

УДК 94(470.324)(082)+902/904(470.324)(082)

ББК 63.4(2)

Д44

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук А. З. Винников, М. И. Лылова (отв. редакторы),
В. В. Бондарева, канд. ист. наук К. И. Красильников,
канд. ист. наук В. С. Флёров, канд. ист. наук М. В. Цыбин,
С. К. Кондратьева (отв. секретарь)

Д44 **Дивногорский сборник : труды музея-заповедника «Дивногорье».** Вып. 1 : Археология / под ред. А. З. Винникова, М. И. Лыловой ; Природный, архитектурно-археологический музей-заповедник «Дивногорье». — Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2009. — 272 с.
ISBN 978-5-9273-1675-5

Первый выпуск трудов музея-заповедника «Дивногорье» посвящен памяти замечательного ученого Светланы Александровны Плетнёвой (1926—2008). Он содержит статьи по истории и археологии народов, населявших степи и лесостепи Евразии с середины I тыс. — до начала II тыс. н.э. Публикуются новые материалы, дается анализ и несколько иные интерпретации хорошо известных в литературе данных раскопок предшествующих лет. Ряд статей посвящен анализу письменных источников по истории Хазарского каганата и сопоставлению их с данными археологических исследований.

Сборник адресован историкам, археологам и всем интересующимся историей нашей страны эпохи Средневековья.

УДК 94(470.324)(082)+902/904(470.324)(082)

ББК 63.4(2)

Научное издание

ДИВНОГОРСКИЙ СБОРНИК

ТРУДЫ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ДИВНОГОРЬЕ»

Выпуск 1

АРХЕОЛОГИЯ

Под редакцией Винникова Анатолия Захаровича,
Лыловой Марины Ивановны

Редакторы С. Н. Володина, Н. Н. Масленникова, В. В. Пушкаренко
Обложка М. В. Лылова

Художественный редактор Е. В. Ткачёва
Электронная верстка К. П. Пенского

Корректоры Г. И. Старухина, М. Г. Щигрёва

Подп. в печ. 20.10.2009. Форм. бум. 70×100/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. п. л. 22,3. Уч.-изд. л. 20,8. Тираж 500. Заказ 1738

Издательство Воронежского государственного университета
394000 Воронеж, ул. Ф. Энгельса, 8

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ИПЦ
Воронежского государственного университета
394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3

© Природный, архитектурно-археологический
музей-заповедник «Дивногорье», 2009

ISBN 978-5-9273-1675-5

© Оформление, оригинал-макет. Издательство
Воронежского государственного университета, 2009

В. С. Аксёнов, А. В. Крыганов

ЗАХОРОНЕНИЯ НА СЕЛИЩЕ САЛТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ НЕТАЙЛОВКА 2:

К ВОПРОСУ О САЛТОВСКО-ВЕНГЕРСКИХ КУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТАХ

Селище Нетайловка 2 находится на песчаной дюне, расположенной на левом берегу Печенежского водохранилища (р. Северский Донец) в 200–300 м к северу от окраины с. Металловка (в 20-е гг. XX в. село Нетайловка было записано как Металловка), в непосредственной близости от хорошо известного археологам Нетайловского грунтового могильника салтовской культуры (рис. 1; 2, 1). Восточная часть дюны, расположенная в 300 м к востоку от берега водохранилища, в настоящее время разрушается карьером по добыче песка. В ходе неоднократных осмотров карьера был собран подъемный материал, представленный многочисленными обломками салтовской кухонной и столовой керамики, фрагментами средневековых амфор. Охранные работы на поселении в 2003–2004 гг. проводились археологическим отрядом Харьковской государственной академии культуры (руководители А. А. Тортика и В. М. Ряполов), который входил в состав Средневековой археологической экспедиции Харьковского педуниверситета им. Г. С. Сковороды под руководством В. В. Колоды (2004 г.) (Колода, Ряполов, Тортика, 2005, с. 176–178).

Спасательные работы на селище были начаты после того, как в мае 2002 г. подростками из числа отдыхающих случайно были обнаружены крупные фрагменты человеческого черепа. О данной находке стало известно краеведу С. В. Коновалову. После уточнения обстоятельств находки А. В. Крыгановым и С. В. Коноваловым был произведен осмотр места находки человеческого черепа в карьере возле с. Металловка. В результате осмотра им удалось зафиксировать остатки раннесредневекового воинского захоронения (*погребение № 1*). Остатки погребения были обнаружены в северо-западной стенке карьера (рис. 2, 1). Само погребение (верхняя часть костяка до пояса) оказалось частично срезанным ковшем экскаватора при выборке чистого материкового песка.

Сохранившаяся часть могильного пятна была зафиксирована на глубине 0,8 м от уровня современной поверхности почвы. На уровне фиксации могильное пятно имело форму вытянутого прямоугольника с закругленными углами, ориентированного длинной осью по линии восток — запад (рис. 3, 1). Размеры сохранившейся части могильного пятна 1,2 — 1,3 × 0,9 м. Стенки могильной ямы отвесные, дно ямы фиксировалось на глубине 1,25 м от уровня современной поверхности почвы. Заполнение могильной ямы — темно-серая

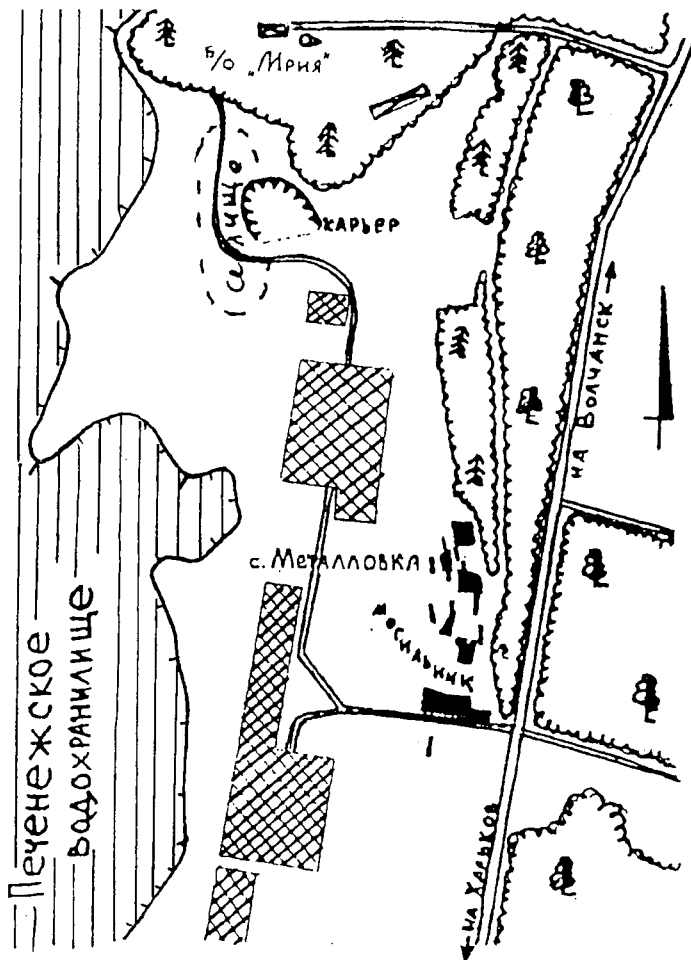

Рис. 1. План расположения селища Нетайловка 2

супесь — своим более темным цветом лишь немного отличалось от материка, в качестве которого выступал песок светло-желтого цвета. На дне могильной ямы от человеческого скелета сохранились лучевые кости правой руки, фаланги пальцев, крупные фрагменты тазовых костей, а также кости обеих ног. Весь сохранившийся костный материал лежал в могильной яме в анатомическом порядке. По костям было видно, что умерший мужчина был уложен в вытянутом положении на спине головой на восток (азимут 90°), левая рука, по-видимому, прямая, правая рука слегка согнута так, что кисть покоится на правой тазовой кости. Ноги погребенного мужчины были перекрещены в районе щиколоток, вероятно, связаны. Все кости оказались хорошей сохранности. Череп мужчины был сильно поврежден, видимо, в момент разрушения погребения экскаватором. В песчаной осыпи, ниже разрушенного края

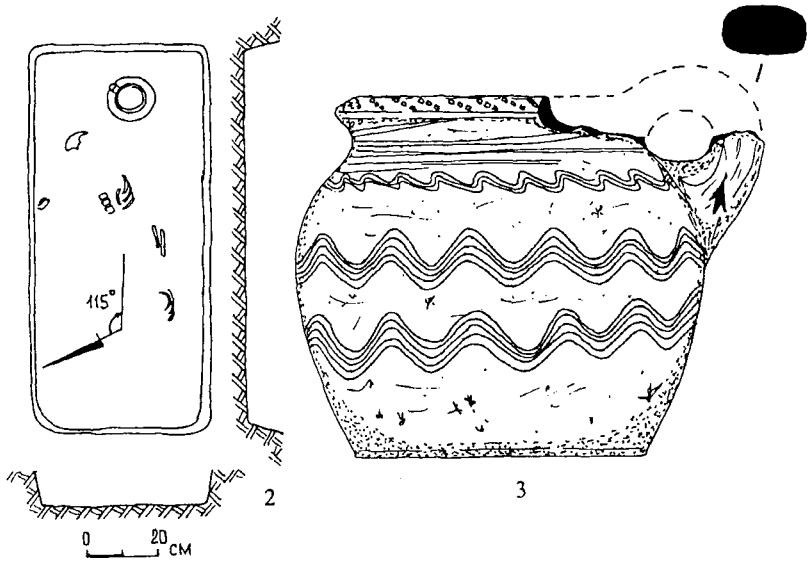
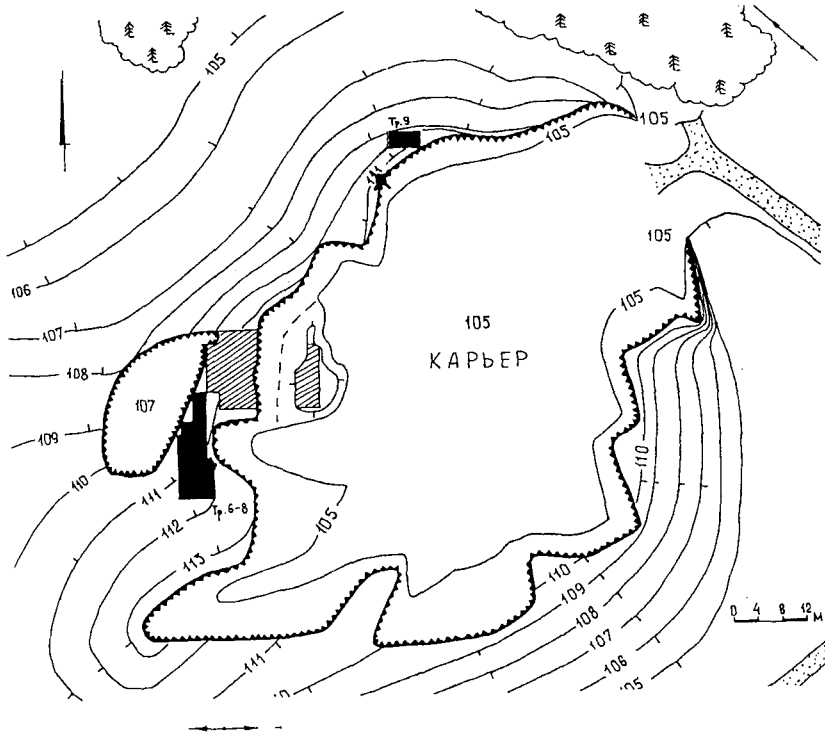

Рис. 2: 1 — план раскопов на поселении Негайловка 2; 2 — план погребения 2; 3 — сосуд из погребения 2

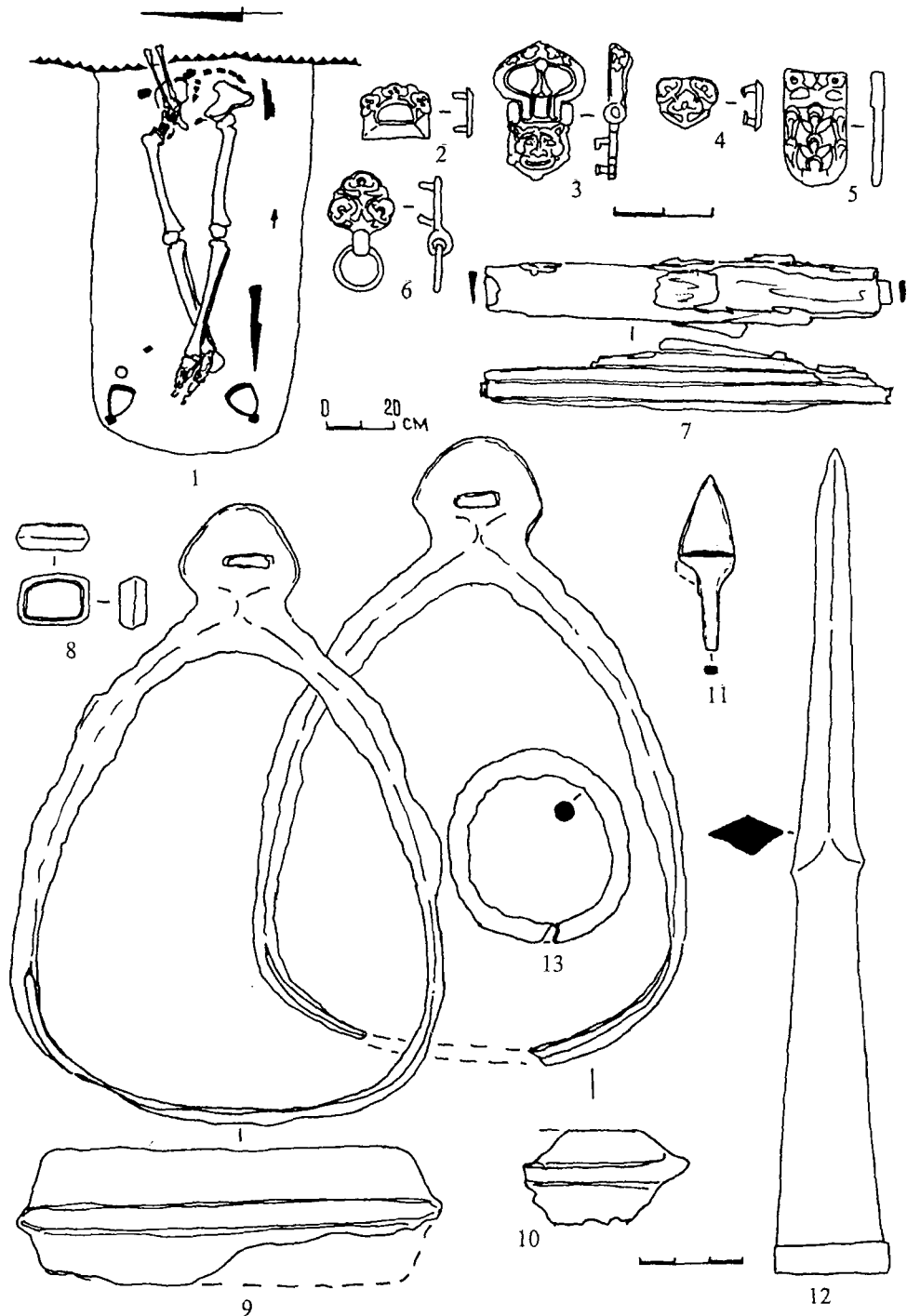

Рис. 3: 1 — план погребения 1; 2–12 — инвентарь из погребения 1

могильной ямы, была обнаружена челюсть погребенного мужчины с хорошо сохранившимися зубами.

При погребенном мужчине был обнаружен следующий инвентарь: в районе пояса были расчищены серебряные бляшки, пряжка и наконечник поясного набора (рис. 3, 2 – 6); возле левой тазовой кости лежали три железных черешковых ножа, скрепленные в один пакет (рис. 3, 7); на уровне коленного сустава левой ноги находился железный черешковый наконечник стрелы (рис. 3, 11), обращенный острием на запад; справа и слева от стоп ног лежало по железному стремя (рис. 3, 9, 10), обращенных петлей к западному краю могильной ямы; возле подножки правого стремени было обнаружено железное сбруйное кольцо и бронзовая пряжка-обойма от ремня путлища (рис. 3, 8, 13). В районе стоп ног лежал железный наконечник копья (рис. 3, 12), обращенный острием к ножному концу могильной ямы. В 3–4 м к западу от погребения, на дне карьера был найден железный клинок сабли, вероятно, вывернутый из погребения в процессе добычи песка.

В большинстве своем погребальный инвентарь, обнаруженный в данном захоронении, датируется достаточно широко – второй половиной VIII–IX вв. Это в первую очередь предметы вооружения и конского снаряжения, вещи хозяйственно-бытового назначения. Обнаруженные в захоронении ножи (рис. 3, 7) относятся к типу черешковых, с прямой спинкой и криволинейным лезвием. Данный тип ножей наиболее распространен в салтовских древностях Подонья (Плетнёва, 1989, рис. 45; Михеев, Степанська, Фомін, 1973, с. 90–98). Собранные в пакет ножи, как это было сделано в исследованном захоронении, довольно часто встречаются в катакомбных захоронениях Верхне-Салтовского могильника (Шрамко, 1962, с. 281, рис. 100, 2, 3, 4г).

Аналогичные найденным в разрушенном погребении железные сбруйные кольца и бронзовые пряжки-обоймы (рис. 3, 8, 13) хорошо представлены в салтовских древностях Подонья (Плетнёва, 1989, рис. 38; Аксёнов, 2005, рис. 2, 11, 3, 19, 25, 26, 4, 15, 20, 5, 22). Встречаются они и в захоронениях Нетайловского могильника (Аксёнов, Хоружая, 2005, с. 204, рис. 4, 6, 7, 10, 5, 1, 5; Пархоменко, 1983, рис. 5, 4, 5).

Стремёна из погребения представляют собой плавно согнутую, ромбическую в сечении арку, которая составляет одно целое с петлей – вытянутой вверх пластиной округлой формы, с прямоугольной прорезью для крепления путлища (рис. 3, 9, 10). Подножка стремян являет собой ровную пластину, прогнутую наружу. Именно прогнутость подножки данных стремян выделяет их из общей массы подобных изделий салтовского времени, для которых характерна или прямая, или слегка вогнутая внутрь подножка (Плетнёва, 1989, рис. 44). Стремёна с прогнутой подножкой встречены в основном в памятниках венгерского населения Прикамья (Халикова, 1976, с. 154, рис. 5, 20), в погребениях венгров, как на пути их движения в Паннонию (Бокий, Плетнёва, 1988, рис. 3, 2, 3), так и непосредственно в памятниках северо-западной Венгрии (Kiss, 2000, tab. IX, 2, 20, 86).

Наконечник копья, происходящий из разрушенного захоронения, относится к типу пик (рис. 3, 12). Это втульчатый наконечник с узким длинным

пером ромбического сечения, в месте перехода насада в перо имеются слегка выраженные выступы. Общая длина наконечника пики составляет 24,5 см. Диаметр втулки составляет 3,5 см. Подобные наконечники пик найдены в кремациях Сухогомольшанского могильника и могильника Лысый Горб (Аксёнов, Воловик, 1999, рис. 1, 10, 2, 8; Аксёнов, Михеев, 2006, рис. 19, 3; 41, 6; 55, 8; 63, 17; 72, 1; 80, 1; 81, 1), в захоронениях биритуального Красногорского могильника и ингумациях Нетайловского некрополя (Аксёнов, Михеев, 2003, рис. 3, 33; 5, 11, 30; 6, 6; Аксёнов, Хоружая, 2005, с. 207, рис. 7, 15, 16). Встречены такие наконечники в поминальных комплексах у с. Тополи и № 2 Ново-Покровского могильника (Кухаренко, 1951, рис. 30, 1, 36). Значительно реже подобные наконечники копий встречаются в аланских катакомбных захоронениях Подонья (Криганов, 1993, с. 56, рис. 1, 6).

Происходящая, по-видимому, из данного захоронения сабля, относится к типу так называемых «салтовских». От нее сохранился только однолезвийный клинок длиной 69,8 см и шириной 3,0 см. Сабля слабоизогнута, максимальный прогиб клинка составляет около 0,7 см. Конец клина на длину 15,5 см раскован на два лезвия. Подобные сабли достаточно хорошо представлены в захоронениях как аланского, так и праболгарского населения салтовской культуры Подонцовья (Криганов, 1993, с. 53, рис. 1, 2; Аксёнов, Воловик, 1999, рис. 1, 6, 7; Кухаренко, 1951, рис. 30, 4; 34; 36; Аксёнов, Михеев, 2003, рис. 3, 34, 5, 29; Плетнёва, 1989, рис. 34).

Единственный происходящий из захоронения железный черешковый наконечник стрелы относится к отделу плоских, а по форме пера — к типу остролистных (тип 61 по А. Ф. Медведеву). Наконечник сохранился на длину 5,2 см, длина головки — 3,7 см (рис. 3, 11). Такая форма наконечников стрел является наиболее популярной для древностей VII—X вв. Для них характерен, как и в нашем случае, плоский черешок, который использовался до начала X века, а позже черешок у таких стрел стал круглым или квадратным в сечении (Медведев, 1966, с. 73). Подобные наконечники в большом количестве встречены в памятниках IX—X вв. Дунайской Болгарии, Венгрии (Бобчева, 1958, обр. II, 4; Йотов, 2004, табл. XIV, 214, 215; Sebestyen, 1932, кер. 134). Единичные наконечники этого типа найдены в салтовских памятниках конца VIII — третьей четверти IX в. бассейна Северского Донца (погр. № 101 могильника Красная Горка, поминальный комплекс могильника Лысый Горб) (Аксёнов, 1999, с. 85, рис. 31, 18, 19). Так как найденный в рассматриваемом погребении наконечник имеет плоский черешок, то он может быть датирован концом VIII — концом IX в.

Для более узкой датировки данного погребения большое значение имеют элементы поясной гарнитуры, обнаруженные в захоронении. Из погребения происходит серебряная поясная пряжка, наконечник пояса и 16 серебряных литых бляшек. Бляшки пояса представлены тремя видами. Вид 1-й — бляшки сердцевидной формы (5 экз.) (рис. 3, 4). Поле бляшек украшено орнаментом в виде трех бутонов лотоса, два из которых отходят от межлепесткового пространства центрального бутона. В основании стебля центрального бутона видны расходящиеся в стороны стреловидные листья. Вид 2-й — бляшки-

оправы подпрямоугольной формы (2 экз.) (рис. 3, 2). Верхний край бляшек оформлен в виде трех бутонов с листьями округлой формы и округлостями на тонких стеблях между ними. Особенно показательным, как нам кажется, является то, каким образом оформлено среднецветие всех трех бутонов на данных пряжках. Оно выполнено в виде строенных маленьких сквозных отверстий. Подобный мотив в виде строенных ягод на стебле характерен только для поясных бляшек из венгерских захоронений конца VIII – первой половины IX вв. Прикамья (Больше-Тиганский могильник) (Халикова, 1986, с. 170, рис. 11, 1 – 5, 11; Приймак, Супруненко, 1994, рис. 32, 1, 4). Вид 3-й – бляшки со щитком полукруглой в плане формы и с подвижным кольцом (9 экз.) (рис. 3, 6). Поле бляшек украшено орнаментом из трех бутонов лотоса на тонких стеблях, выходящих из одной точки, от которой отходят в стороны еще два стреловидных листа. Между двумя боковыми и центральным бутонем просматриваются две небольшие округлости на тонких стеблях, отходящих от центрального стебля.

Поясной наконечник – серебряный, литой (рис. 3, 5). В плане он имеет форму вытянутого прямоугольника размером 2,4 × 1,3 см, нижний край которого закруглен. Следы потертости от длительного использования присутствуют и на лицевой, и на оборотной стороне наконечника. На оборотной стороне они выражены сильнее. Поле наконечника украшено растительным орнаментом. Орнамент в нижней части наконечника прорезной и представляет собой мировое дерево, выполненное из цветков лотоса. Рамка, окружающая центральный орнамент, украшена врезными изображениями цветков лотоса. На верхней части наконечника нанесен гравированный орнамент в виде строенных бутонов лотоса, два из которых на длинных стеблях расходятся из общего центра в противоположные стороны.

Поясная пряжка относится к типу треугольнорамчатых с небольшим щитком пятиугольной формы (рис. 3, 3). Пряжка литая, серебряная, шарнирная. Общая длина пряжки 2,9 см, ширина рамки 1,8 см. Размеры щитка 1,7 × 1,2 см. На обороте щитка три шпенька для прикрепления пряжки к мягкой основе ремня. Рамка пряжки украшена орнаментом из бутонов лотоса. По центру щитка расположено объемное изображение человеческой головы анфас. Голова круглых очертаний. Волосы короткие, расчесаны на прямой пробор. Уши, имеющие листовидную форму, расположены по-звериному – на макушке. Брови переданы одним тонким валиком, переходящим в прямой тонкий нос с широко расходящимися крыльями. Глаза крупные, миндалевидной формы. Щеки округлой формы, пухлые. Нижняя часть лица расплылась в широкой улыбке. Губы тонкие, переданы одним прогнутым посередине валиком. Углы щитка пряжки оформлены в виде небольших полукруглых выступов, что визуальнo напоминает орнамент в виде цепочки из чередующихся между собой звеньев овальной и круглой формы – характерный для поясных наборов венгерского населения Восточной Европы конца I тыс. н.э. Именно таким образом орнаментированы детали поясных наборов из комплексов Больше-Тарханского могильника (Халикова, 1976, рис. 4, 7 – 10; 5, 3 – 7; 11, 11, 14), из погребения воина у с. Субботицы (Бокий, Плетнёва, 1988, рис. 5), из разру-

шенного венгерского захоронения на территории Полтавской области (Твердохлебы) (Приймак, Супруненко, 1994, рис. 32, 5). Такой же ободок из чередующихся между собой звеньев овальной и круглой формы изредка встречается на вещах из захоронений Верхне-Салтовского могильника (литые бронзовые бляшки и серебряный штампованный наконечник из кат. № 56 Верхне-Салтовского IV могильника, штампованный наконечник от пояса в кат. № 33 из дореволюционных раскопок) (Аксёнов, 2000, табл. XX, 12, 16; Аксёнов, 2001, с. 114; Покровский, 1905, табл. XXI, 55).

Изображение человеческого лица анфас на нашей пряжке находит только отдаленные аналогии в бляшках от ремней конской сбруи из захоронений гуннского времени с территории Нижнего Поволжья, Куйбышевского Заволжья и Северного Причерноморья (Засецкая, 1994, с. 44, табл. 6, 3, 4; 31, 5; 32, 9; 35, 9) и в бляшках поясного набора из впускного погребения второй половины VII — начала VIII в. у ст. Старонижнестеблевской (Атавин, 1996, с. 215, 225 — 226, табл. 25, 2). Отличают же лицо, изображенное на нетайловской пряжке, от указанных изображений гуннского и раннесалтовского времени поставленные на макушке остролистные уши, придающие лицу звериные черты. Можно предположить, что в данном случае мы имеем дело с проявлениями тотемизма. В таком случае изображение на пряжке пояса мужчины-воина, вероятно, является указанием на принадлежность его носителя к роду, родоначальником которого было какое-то животное, возможно, это волк. Культ волка в раннем средневековье был особенно характерен для тюркских племен (Халиков, 1971, с. 115 — 117). По китайским письменным источникам лучшие части тюркской кавалерии назывались «буре» («фули») (Гумилев, 1967, с. 67), а на знамени предводителя тюрков Ашина красовалась волчья голова (Бичурин, 1950, с. 74). Принадлежность же погребения № 1 представителю если не тюркского населения салтовской культуры, то к тюркоязычному культурному миру не вызывает сомнения.

Вероятно и то, что изображение головы волка на пряжке является отражением второго, звериного, имени его владельца. «Волк» — характерное прозвище членов индоевропейских воинских братств, а превращение в волка, т.е. переодевание в волчью шкуру, составляло главный элемент посвящения в «мужской союз» во многих традиционных обществах Евразии (Мирча Элиаде, 2002, с. 215). В таком случае данная поясная пряжка могла символизировать не просто принадлежность к воинской прослойке общества, а, возможно, и указывала, что ее хозяин относится к так называемым «диким» воинам, непобедимым, неуязвимым и обладающим «правом на грабеж». Как отмечают ряд исследователей, «право на грабеж» — обычай, который был известен еще в недалеком прошлом (XIX — начало XX вв.) некоторым народам Европы и Кавказа (там же, с. 216).

Элементы поясной гарнитуры, стилистически близкие обнаруженным в исследованном погребении, характерны для поясных наборов III (бляшки сердцевидной формы) и IV (бляшки с подвесным колечком) хронологических горизонтов салтовской культуры (Комар, 1999а, табл. 4), что позволяет датировать данное захоронение серединой — второй половиной IX в.

В ходе охранных раскопок поселения Нетайловка 2 археологической экспедицией Харьковского исторического музея совместно с экспедицией Харьковской государственной академии культуры во время полевого сезона 2005 г. было обнаружено еще одно захоронение. В этом году работы велись у северо-западного обреза песчаного карьера, с целью поиска границы поселения и обследования площади песчаной дюны, рядом с местом обнаружения выше рассмотренного погребения (рис. 2, 1). Для этого была заложена траншея площадью 15 м².

В площади траншеи на уровне 0,9 м было зафиксировано могильное пятно погребения № 2. Могильное пятно на уровне зачистки имело форму прямоугольника размером 1,1 × 0,52 м со слегка закругленными углами (рис. 2, 2). Оно было ориентировано по линии восток — запад с незначительным сезонным отклонением к югу (азимут 115°). Стенки могильной ямы слегка наклонные, из-за чего размеры могильной ямы по дну составляли 1,06 × 0,48 м. В могильной яме находились останки ребенка 3—4 лет. Анатомический порядок костяка ребенка нарушен в результате деятельности землеройных животных. Кости частично были смещены со своих мест, часть костей была обнаружена в заполнении кротовины. По сохранившимся на своих местах костям было видно, что ребенок был уложен в вытянутом положении на спине головой на восток. За черепом ребенка стоял лепной салтовский горшочек-кружечка с петельчатой ручкой (рис. 2, 3).

Обнаруженный в погр. № 2 горшочек имеет плоское дно, шаровидное, несколько сплющенное тулово с наибольшим расширением в верхней трети и короткой шейкой на покатых плечиках. Высота сосуда 9,7 см, диаметр дна 8,0 см, максимальный диаметр тулова 10,0 см. Венчик слегка отогнут наружу и украшен по краю насечками, выполненными отгиском зубчатым штампом. Поверхность сосуда шероховатая, бурого цвета с черными подпалинами. Тулово украшено тремя горизонтальными волнистыми, слегка углубленными полосами, выполненными с помощью зубчатого штампа. На плечике остаток отломанной в древности эллипсоидной в разрезе ручки, верхний край которой прикреплялся к венчику. Сосуды данного типа встречены в захоронениях как праболгарского компонента салтовской культуры (Крыганов, 2003, рис. 5, 5; Крыганов, Коновалов, 2004, табл. XXIV, 3; Пархоменко, 1983, рис. 2, 7), так и аланского населения бассейна Северского Донца (Плетнёва, 1989, рис. 68—76). Изредка подобные горшки с петлевидной ручкой встречаются в «подкурганых захоронениях с ровиками», связываемых с хазарами (Круглов, 1992, рис. 4, 20). По материалам захоронений, в которых найдены подобные сосуды, они датируются временем не позднее середины IX вв. Вероятно, серединой IX в. и следует датировать погребение № 2 Нетайловского селища.

Черты погребального обряда, представленные в двух захоронениях, открытых на селище Нетайловка 2, сближают их в первую очередь с погребениями плодотворно исследуемого в последние годы Нетайловского могильника, расположенного на краю первой надпойменной террасы левого берега Печенежского водохранилища, в 100 м от восточной окраины с. Металловка и в 500 м к востоку от берега водохранилища (рис. 1). Большинство исследо-

вателей данный некрополь рассматривается как оставленный праболгарским компонентом салтовской культуры (Иченская, 1981, с. 94 — 95). С погребениями данного некрополя исследованные захоронения объединяет конструкция могильных ям, ориентировка умерших головой на восток с сезонным отклонением и положение костяков (особенно из раскопок 1959—1961 гг.), размещение и состав погребального инвентаря (там же, с. 80—92; Пархоменко, 1983, с. 75—87). В болгарских погребениях салтовской культуры находит аналоги и такой элемент погребального обряда, как связывание ног погребенного (ноги скрещены в голени в погр. № 1) (Аксёнов, Михеев, 2003, рис. 1, 1; 19, 23; 2, 1, 6; 4, 1; 5, 1, 24; 6, 1; Иченская, 1981, рис. 2, IV; Флеров, 1989, с. 117—186). Отличие захоронений с территории Нетайловского селища от погребений могильника — хорошая сохранность человеческих останков, тогда как в погребениях Нетайловского некрополя, как правило, костные останки людей практически не сохраняются (Жиронкина, Цитковская, 1996, с. 355, 365—366, табл. 1; Аксёнов, Хоружая, 2005, с. 199—202). Отсутствие костей в могилах объясняется, по нашему мнению, спецификой гидрологической ситуации, сложившейся на могильнике после создания Печенежского водохранилища (Аксёнов, 2006, с. 59—60). В целом же можно говорить, что захоронения и на могильнике, и на селище оставлены родственным населением.

Однако погребальный инвентарь исследованного воинского погребения № 1 с территории селища позволяет сделать некоторые интересные наблюдения. Так, обнаруженные в погребениях стремена типологически соответствуют стременам, являющимся практически единственной формой в погребениях венгров периода «завоевания родины». Стремена этого типа представлены и в венгерских захоронениях с территории современной Украины (Бокий, Плетнёва, 1988, рис. 3, 2, 3; Приходнюк, Чурилова, 2001, рис. 5, 6). Оформление части бляшек поясного набора из погребения № 1 (рис. 3, 4) — растительный орнамент, «вписанный» в поле бляшек по направлению от острия к основанию — находит соответствие в «венгерской» линии развития орнаментальных мотивов на предметах салтовской поясной гарнитуры (Белік, 2002, с. 110—111). Особенно ярко это проявляется на оформлении краев щитка поясной пряжки в виде цепочки из чередующихся округлых и овальных звеньев (рис. 3, 3). Не характерным для салтовских древностей является и изображение представителей животного мира. На салтовских элементах поясной гарнитуры безраздельно царствует растительный орнамент (Фонякова, 1986, с. 36, рис. 1, 4). Зато изображения фантастических и реальных животных и птиц достаточно часто можно встретить на элементах поясного набора венгерских племен VIII — IX вв. (Седов, 1987, табл. СIII, 9, 12, 13; Халикова, 1976, рис. 4, 8, 9; 11, 15, 17; 12, 1, 2; Приймак, Супруненко, 1994, рис. 32, 5). Находит аналогии в венгерских поясах и мотив в виде строенных ягод, представленный на бляшках-оправах из погребения № 1 (рис. 3, 2). Украшенные такими строеными ягодами элементы поясной гарнитуры хорошо представлены в венгерских памятниках Среднего Поволжья и Днепро-Донского междуречья (Халикова, 1976, с. 170, рис. 11, 1—5, 11; Приймак, Супруненко, 1994, рис. 32, 1—4; Седов, 1987, табл. СIII, 4, 5). Сближает металлические элементы пояса из погребения

№ 1 с венгерскими поясными наборами характер их изготовления — литье с последующей подправкой орнамента резцом. Подавляющее большинство венгерских поясных наборов изготовлено из серебра путем литья или штамповки (Белік, 2002, с. 110; Супруненко, Маевська, 2007, с. 36, 37, рис. 15, 1 — 14), тогда как основная масса салтовских наборов отлиты из бронзы (Плетнёва, 1967, с. 161 — 162, рис. 44, 6 — 56; Плетнёва, 1989, с. 77 — 80, рис. 85 — 88).

Таким образом, при общем праболгарском характере погребального обряда захоронения № 1 в нем присутствуют элементы, связанные с материальной культурой венгерских племен. Объясняется это тесными контактами алано-болгар северо-западной Хазарии с венгерскими племенами в тот период их истории, когда венгерские племена, некоторое время проживая в Леведии, находились в союзнических отношениях с каганатом, вместе участвовали в военно-политических мероприятиях (Багрянородный Константин, 1989, с. 159, 161, 163). Время пребывания венгров в Леведии, а следовательно, и время наиболее интенсивных контактов населения каганата с ними, определяется 30-ми — 90-ми гг. IX века (Цукерман, 1998, с. 666). Этим же временем датируется и открытое на Нетайловском селище захоронение воина-всадника. Проникновение элементов венгерской материальной культуры в среду салтовцев не удивительно, ибо, как уже отмечалось рядом исследователей, в состав праболгарского населения юга Восточной Европы входили близкие в этническом плане венграм отдельные группы угорского населения (Бешевлиев, 1981, с. 22). Это подтверждается обнаружением на грунтовых болгарских могильниках Придонецья захоронений, в которых явственно проступают черты угорского погребального обряда (Аксёнов, Тортика, 2001, рис. 3, 2 — 5, 4, 2 — 4), а в аланских катакомбных захоронениях найдены элементы поясной гарнитуры, находящие прямые аналогии в поясах из венгерских захоронений Прикамья и Южного Приуралья (Аксёнов, 2001, с. 113 — 115; Белік, 2002, с. 109 — 110, 111). К чертам угорской погребальной обрядности в праболгарских захоронениях Подонцовья мы склонны относить специально сделанные в торцевых стенках могильных ям ниши-подбои, размещение в них частей коня (череп, костей ног) в сопровождении конского снаряжения или только конской сбруи (Аксёнов, 1997, с. 34, 35). Именно такие захоронения представлены на Нетайловском могильнике (там же, рис. 1, 1, 3, 6; Иченская, 1981, рис. 3; Жиронкина, Крыганов, Цитковская, 1997, рис. 1; Жиронкина, Цитковская, 1996, рис. 4). Захоронения с целым костяком коня, расположенным в ногах хозяина перпендикулярно его телу, обнаруженные на Нетайловском могильнике (Аксёнов, Тортика, 2001, рис. 3, 2 — 3), находят частичные аналогии в погребениях венгров, относящихся к эпохе обретения ими родины в Паннонии и выделенных Ч. Балиндом в V группу (Балинд, 1972, с. 181). Данные захоронения сближает друг с другом по элементам обряда расположение конских останков в могиле, отличает же их состав (целый конь на Нетайловском могильнике — растянутая шкура в погребениях Паннонии) (Балинд, 1972, рис. 1, б).

В последнее время все большую популярность приобретает гипотеза, по которой приблизительно с третьей четверти IX в. территория от Среднего Подонцовья до Среднего Приднепровья принадлежала союзу восставших

против центральной Итильской власти племен (кабар), которые занимали северо-западную часть Хазарии, и венграм (Комар, 1999б, с. 168). С кабарями исследователи склонны связывать население бассейна Северского Донца, оставившее после себя кремационные могильники Сухая Гомольша, Новая Покровка, отдельный кремационный комплекс у с. Кочеток, биритуальный некрополь Красная Горка и грунтовой ингумационный Нетайловский могильник (Комар, 1999, с. 168; Комар, 2005, с. 213).

Союз кабар и венгров Леведии, по мнению ряда исследователей, некоторое время даже успешно противостоял центральной Хазарской власти и политически, и экономически (Горелик, 2001, с. 179–180). Последнее может быть косвенно подтверждено материалами погребения № 1 с территории селища у с. Металловка. Так, общий вес серебряных деталей от поясного ремня составляет 39,15 г (средний вес одной бляшки сердцевидной формы – 1,37 г; бляшки-оправы – 1,3 г; бляшки с кольцом – 2,2 г; вес наколочника – 4,32 г, а пряжки – 6,6 г), что с учетом потери металла при отливке равняется 14–15 серебряным арабским дирхемам (при весе монеты 2,83–2,87 г). Покупательная же способность серебряного дирхема была достаточно высока. Так, за один серебряный дирхем в Праге (965 г.) можно было получить 25 кур, или 75 дневных рационов пшеницы для одного человека, или 100 дневных рационов ячменя для лошади (Лебедев, 2005, с. 325). Это позволяет считать погребенного на Нетайловском селище мужчину-воина, при рядовом характере самого захоронения, хорошо обеспеченным в имущественном отношении человеком. По-видимому, это можно сказать и в отношении значительной части населения Верхне-Салтовского археологического комплекса – города Сарада (Рыбаков, 1952, с. 23), в состав которого входит и селище Нетайловка 2.

Таким образом, специфические элементы погребального обряда (восточная ориентировка погребенных, положение погребенных в вытянутом положении на спине, перекрещенность ног, богатый погребальный инвентарь, расположение сосуда в голове человека, отсутствие жертвенной пищи в виде костей животных) указывают, что открытые на селище Нетайловка 2 погребения оставлены представителями тюрко-угорского населения, входившими в состав одного из праболгарских племенных объединений, проживавших в бассейне Северского Донца (Плетнёва, 1981, с. 9–11). Косвенным подтверждением тюркской принадлежности людей, погребенных на селище Нетайловка 2, может служить присутствие изображения головы волка как главного тотема тюрков на поясной пряжке из погребения № 1. В то же время погребальный инвентарь захоронения № 1 однозначно свидетельствует о проникновении в среду местного салтовского (алано-болгарского) населения элементов древневенгерской культуры (стремена, оформление края щитка поясной пряжки и орнамент на части бляшек поясного ремня). Это свидетельствует о возникновении в верхнем Подонцовье в 30–90-х годах IX в. единой смешанной салтовско-венгерской культурной традиции.

ЛИТЕРАТУРА

- Аксёнов В. С. К вопросу об этнической принадлежности захоронений с конем Нетайловского могильника / В. С. Аксёнов // Вісник ХДУ. — 1997. — № 396. — Вип. 29.
- Аксёнов В. С. Отчет об археологических исследованиях Верхнесалтовского IV катакомбного могильника в 2000 г. (Харьков, 2000) / В. С. Аксёнов // Архив Харьковского исторического музея.
- Аксёнов В. С. Контакты венгров с аланами в IX веке — взаимопроникновение культур / В. С. Аксёнов // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии : V «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. Тезисы докладов межрегиональной научной конференции (г. Ставрополь, 12—15 апреля 2001 г.). — Ставрополь, 2001.
- Аксёнов В. С. Комплексы с конскими начальниками из Верхнесалтовского катакомбного могильника / В. С. Аксёнов // Степи Европы в эпоху средневековья. — Донецк, 2005. — Т. 4.
- Аксёнов В. С. Погребальный обряд Нетайловского могильника (VIII — IX вв.) / В. С. Аксёнов // РА. — 2006. — № 2.
- Аксёнов В. С. Новый салтовский могильник в верхнем Подонечье / В. С. Аксёнов, С. И. Воловик // Донская археология. — 1999. — № 3—4.
- Аксёнов В. С. Погребения с крымской посудой могильника салтовской культуры Красная Горка / В. С. Аксёнов, В. К. Михеев // Vita antiqua. — 2003. — № 5—6.
- Аксёнов В. С. Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. Сухогомольшанский могильник VIII—X вв. / В. С. Аксёнов, В. К. Михеев // Хазарский альманах. — Киев ; Харьков, 2006. — Т. 5.
- Аксёнов В. С. Протоболгарские погребения Подонья и Придонечья VIII—X вв. : проблема этноисторической интерпретации и поливариантности обряда / В. С. Аксёнов, А. А. Тортика // Степи Европы в эпоху раннего средневековья. — Донецк, 2001.
- Аксёнов В. С. Новые раннесредневековые захоронения Нетайловского могильника (раскопки 2002—2004 гг.) / В. С. Аксёнов, М. В. Хоружая // Хазарский альманах. — Киев ; Харьков, 2005. — Т. 4.
- Аксёнов В. С. Поховання з конем другої половини VIII—IX ст. верхньої течії р. Сіверський Донець (за матеріалами салтівських ґрунтових могильників) : дис. ... канд. іст. наук. — Харків, 1999 / В. С. Аксёнов // Архив Харьковского исторического музея.
- Атавин А. Г. Погребения VII — начала VIII вв. из Восточного Приазовья / А. Г. Атавин // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. — Самара, 1996.
- Багрянородный Константин. Об управлении империей / Константин Багрянородный. — М., 1989.
- Белік О. О. Поясні набори із салтівських пам'яток як індикатор салтово-мадярських контактів / О. О. Белік // Археологія. — 2002. — № 2.
- Бешевлиев В. За разнорадната същност на първобългарите / В. Бешевлиев // Плиска-Преслав. — София, 1981. — Т. 2.
- Бичурин Н. Я. (Иокинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена / Н. Я. Бичурин (Иокинф). — М. ; Л., 1950. — Т. I.
- Бобчева Л. Въоружението на българската войска от втората половина на IX в. до падането на България под турско рабство / Л. Бобчева // ВИС. — 1958. — № 2.
- Бокий Н. М. Захоронение семьи воина-всадника X в. в бассейне Ингула / Н. М. Бокий, С. А. Плетнёва // СА. — 1988. — № 2.
- Горелик М. В. Образ мужа-воина в Кабарии-Угрии-Руси / М. В. Горелик // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). — Самара, 2001.
- Гумилёв Л. Н. Древние тюрки / Л. Н. Гумилёв. — М., 1967.
- Жиронкина О. Ю. Об одном комплексе погребений Нетайловского могильника / О. Ю. Жиронкина, А. В. Крыганов, Ю. И. Цитковская // Древности 1996. — Харьков : Бизнес-Информ, 1997.

Жиронкина О. Ю. Новые данные о погребальном обряде Нетайловского могильника / О. Ю. Жиронкина, Ю. И. Цитковская // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. — Самара, 1996.

Засецкая И. П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV — V вв.) / И. П. Засецкая. — СПб., 1994.

Иченская О. В. Об одном из вариантов погребального обряда салтовцев по материалам Нетайловского могильника / О. В. Иченская // Древности Среднего Поднепровья. — Киев, 1981.

Йотов В. Въоръжението и снаряжението от Българското средновековие (VII—XI век) / В. Йотов. — София, 2004.

Колода В. В. Раскопки селища салтово-маяцкой культуры у с. Металловка (2003—2004 гг.) / В. В. Колода, В. М. Ряполов, А. А. Тортика // АДУ 2003—2004 рр. — Запоріжжя, 2005.

Комар А. В. Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) / А. В. Комар // Vita antiqua. — 1999а. — № 2.

Комар О. В. Комментарий до статті : Тахтай А. К. Погребальный комплекс хазарской эпохи из окрестности г. Чистяково Сталинской области / А. В. Комар // Vita antiqua. — 1999б. — № 2.

Комар А. В. Исторические предпосылки возникновения легенды о полянской дани хазарам по археологическим данным / А. В. Комар // Хазары. — Т. 16. Евреи и славяне. — Москва ; Иерусалим, 2005.

Крыганов А. В. Вооружение и войско населения салтово-маяцкой культуры (по материалам могильников с обрядом трупосожжения) / А. В. Крыганов // Проблемы археологии Поднепровья. — Днепрпетровск, 1989.

Крыганов А. В. Військова справа ранньосередньовічних аланів Подоння / А. В. Крыганов // Археологія. — 1993. — № 2.

Крыганов А. В. Отчет об археологических раскопках Нетайловского могильника в 2002 г. (Харьков, 2003) / А. В. Крыганов // Архив Харьковского исторического музея.

Крыганов А. В. Отчет об археологических раскопках Нетайловского могильника и археологических разведках вокруг него в 2003 г. (Харьков, 2004) / А. В. Крыганов, С. В. Коновалов // Архив Харьковского исторического музея.

Круглов Е. В. Хазарские погребения в бассейне реки Иловли / Е. В. Круглов // СА. — 1992. — № 4.

Кухаренко Ю. В. О некоторых археологических находках на Харьковщине / Ю. В. Кухаренко // КСИИМК. — 1951. — Т. XLI.

Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси / Г. С. Лебедев. — СПб, 2005.

Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (лук, стрелы, самострел) / А. Ф. Медведев. — М., 1966.

Мирча Элиаде. Тайные общества : обряды инициации и посвящения / Элиаде Мирча. — М., 2002. — 352 с.

Міхєєв В. К. Ножі салтівської культури та їх виробництво / В. К. Міхєєв, Р. Б. Степанська, Л. Д. Фомін // Археологія. — 1973. — Вип. 9.

Пархоменко О. В. Поховальний інвентар Нетайлівського могильника VIII—IX ст. / О. В. Пархоменко // Археологія. — 1983. — № 43.

Плетнёва С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура / С. А. Плетнёва // МИА. — 1967. — № 146.

Плетнёва С. А. Древние болгары в бассейне Дона и Приазовье / С. А. Плетнёва // Плиска-Преслав. — София, 1981. — Т. 2.

Плетнёва С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс / С. А. Плетнёва. — М., 1989.

Покровский А. М. Верхне-Салтовский могильник / А. М. Покровский // Труды XII Археологического съезда. — М., 1905. — Т. 1.

Приймак В. В. Венгерское погребение в кургане у с. Твердохлебы Кобеляцкого района / В. В. Приймак, А. Б. Супруненко // Супруненко А. Б. Курганы Нижнего Поворскья. — Полтава, 1994.

Приходнюк О. М. Коштовності з с. Короб чине на Дніпропетровщині / О. М. Приходнюк, Л. М. Чурилова // Археологія. — 2001. — № 1.

Рыбаков Б. А. Русские земли по карте Идриси 1154 года / Б. А. Рыбаков // КСИИМК. — 1952. — Т. XLIII.

Седов В. В. Венгры в Восточной Европе / В. В. Седов // Финно-угры, балты в эпоху средневековья. — М., 1987.

Супруненко О. Б. Давньоугорське поховання у кургані в пониззі Псла / О. Б. Супруненко // Археологічний літопис Лівобережної України. — 2007. — № 1–2.

Флеров В. С. Обряд обезвреживания погребенных у праболгар / В. С. Флеров // Проблемы на прабългарската история и култура. — София, 1989. — Вып. 1.

Фонякова Н. А. Лотос в растительном орнаменте металлических изделий салтово-маяцкой культуры VIII–IX вв. / Н. А. Фонякова // СА. — 1986. — № 3.

Халиков А. Х. Маклашевская всадница / А. Х. Халиков // СА. — 1971. — № 1.

Халикова Е. А. Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья / Е. А. Халикова // СА. — 1976. — № 3.

Цукерман К. Венгры в стране Леведии : новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836–889 г. / К. Цукерман // МАИЭТ. — Симферополь, 1998. — Вып. VI.

Шрамко Б. А. Древности Северского Донца / Б. А. Шрамко. — Харьков, 1962.

Kiss G. Vas megye 10–12. szazadi sir — es Kincsleletei / G. Kiss. — Szombathely, 2000.

Sebestyén K. A magyarok ija es nyilo / K. Sebestyén // Dolgozator. — 1932. — V–VIII. — № 2.